

наши гости

Гульельми после концерта в Большом зале Консерватории. Фото А. Конькова (ТАСС).

МАРГЕРИТ ГУЛЬЕЛЬМИ

ДАЖЕ ОДНА СТРОЧКА в афише — «солистка Миланского театра «Ла Скала» — могла взбудоражить и привлечь слушателей: итальянская опера прославлена «звездами» во всем мире, и во время гастролей труппы в нашей стране миллионы советских зрителей воочию убедились в блестящем искусстве артистов театра. Многие любители музыки еще с тех пор запомнили и имя Маргерит Гульельми. Правда, тогда она не значилась в списке «звезд», а была «запасным игроком», участвовала в концертных программах, и лишь нездоровье Ренато Скотто «помогло» дебюту молодой певицы в одном из спектаклей «Лючия ди

Ламмермур» (именно во время московских гастролей на сцене Большого театра она впервые выступила в партии Лючии). И вот, через два года — снова встреча с Гульельми. Снова Лючия, но только уже в спектакле Киевской оперы. Гульельми почти неподвижна на сцене, а вместе с тем она «играет» так, что невозможно ей не верить, не сострадать ее героине. Какая же все-таки великая вещь для оперного певца владение голосом, блестящая вокальная школа, позволяющие использовать многообразие красок певческого искусства! Тогда можно с легкостью лепить образ, можно прочерчивать

тончайшие нюансы настроения, состояния оперного героя, можно наполнять дыханием подлинной жизни каждую ноту в блестящих звуковых каскадах, фиоритурах, эмоционально оправдать, осмыслить их, заставить забыть об условности жанра, где речь заменена пением.

В такой опере, как «Лючия», подобное особенно остро ощутимо: ведь здесь — царство вокала, царство прекрасного пения, и все элементы подчинены этому — главному. Вместе с тем именно здесь одной техники, даже самой блестящей, было бы мало. И в том сила итальянской певицы, что техника у нее — как бы выражение непосредственности, задушевности, искренности чувств. А искренность, непосредственность никогда не оставляют зрителя равнодушным!

Наверное, потому такой горячий прием оказали итальянской гостье и в московском концерте в Большом зале Консерватории. Пожалуй, за исключением арии Лючии да Вальса Мюзетты из «Богемы», репертуар итальянской артистки был «невыигрышным» с точки зрения ДЕМОНСТРАЦИИ технического блеска, совершенства вокала: итальянские

песни и две моцартовские арии (из «Дон Жуана» и «Свадьбы Фигаро»). Зато тонкий артистизм, редкое обаяние, мягкость, теплота согрели буквально каждый номер. И еще гибкость фразировки, превращающая вокал в живую речь.

Обычно, когда говорят об итальянских певцах, прежде всего отмечают блестящий голос, поразительную силу, диапазон. Гульельми покоряет не блеском природного дарования, а богатством души и великолепной школой, позволяющей ей во всей полноте раскрывать слушателям всю глубину своих мыслей и чувств.

М. ИГНАТЬЕВА.